

«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить; противостойте ему твердою верою».
(1 Петр. 5:8-9)

«Все противное истине составлено из самой истины по действию духов лжи».
Тертулиан

УТВЕРЖДЕНИЕ ИСТИНЫ

ИВАН ИЛЬИН

О НАЦИОНАЛИЗМЕ

Проблема истинного национализма разрешима только в связи с духовным пониманием родины: ибо национализм есть любовь к духу своего народа и притом, именно к его духовному своеобразию.

Тот, кто говорит о родине, понимает духовное единство своего народа. Он понимает нечто такое, что остается сущим и объективным, несмотря на гибель единичных субъектов и на смену поколений. Родина есть нечто единое для многих. Каждый из нас может сказать про нее: «это моя родина», и будет прав; все сразу могут сказать про нее: «это моя родина, это наша родина», и все будут правы. Родина есть великое лоно, объединяющее всех своих сынов так, что каждая душа соединена с нею нитью живой связи; и эта связь сохраняется даже тогда, когда кто-нибудь почему-нибудь не культивирует ее, пренебрегает ею и совсем не думает о ней. Не во власти человека — перестать быть силою, призванною и способною к духовной жизни; не во власти человека оторваться душою от той среды, которая его взрастила, погасить свой национально-духовный облик и, раз надыхавшись родного духа, сделать себя действительно лишенным духа и родины. Но для того, чтобы найти свою родину и слиться с нею чувством и волею, и жизнью, необходимо жить духом и беречь его в себе и, далее, необходимо осуществить в себе патриотическое самосознание или хотя бы верно «почувствовать» себя и свой народ в духе. Надо верно ощутить — свою духовную жизнь и духовную жизнь своего народа, и творчески утвердить себя в силах и средствах этой последней, т. е., например, принять русский язык, русскую историю, русское государство, русскую песню, русское правосознание, русское историческое мирозерцание и т. д. — как свои собственные. Это и значит установить между собою и своим народом подобие, общение, взаимодействие и общность в духе; признать, что творцы и создания его духовной культуры суть мои вожди и мои достижения. Мой путь к духу есть путь моей родины; ее восхождение к Духу и Богу есть мое восхождение. Ибо я тождествен с нею и неотрывен от нее в духовной жизни.

Такая слияние патриота с его родиной ведет к чудесному и плодотворному отождествлению их духовных энергий. В этом отождествлении духовная жизнь народа укрепляется всеми личными силами патриота, а патриот получает неиссякаемый источник творческой энергии во всенародном духовном подъеме. И это взаимное духовное питание, возвращаясь и удесятерив силы, дает человеку непоколебимую веру в его родину. Сливая мою жизнь с жизнью моей родины, я испытываю дух моего народа как безусловное благо и безусловную силу, как некую Божию ткань на земле и в то же время я отождествляю себя с этой живой силой добра: я чувствую, что я несомненно, что я

силен ее силою, что я прав ее правдою и правотою, что я побеждаю ее победами; я становлюсь живым сосудом или живым органом моего отечества, а в нем имею свое духовное гнездо. На этом пути любовь к родине соединяется с верою в нее, с верою в ее призвание, в творческую силу ее духа, в тот грядущий расцвет, который ее ожидает. Что бы ни случилось с моим народом, я знаю верою и ведением, любовью и волею, живым опытом и победами прошлого, что мой народ не покинут Богом, что дни падения преходящи, а духовные достижения вечны, что тяжкий молот истории выкует из моего народа духовный меч, именно так, как это выражено у Пушкина:

Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судьбы удары,
«Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат»¹.

Нельзя любить родину и не верить в нее, ибо родина есть живая духовная сила, пребывание в которой дает твердое ощущение ее блага, ее правоты, ее энергии и ее грядущих одолений. Вот почему отчаяние в судьбах своего народа свидетельствует о начавшемся отрыве от него, об угасании духовной любви к нему. Но верить в родину может лишь тот, кто живет ею, вместе с нею и ради нее, кто соединил с нею истоки своей творческой воли и своего духовного самочувствия.

Любить свой народ и верить в него, верить в то, что он справится со всеми историческими испытаниями, восстанет из крушения очистившимся и умудрившимся, не значит закрывать себе глаза на его слабости, несовершенства, а может быть, и пороки. Принимать свой народ за воплощение полного и высшего совершенства на земле было бы сущим тщеславием, большим националистическим самомнением.

Настоящий патриот видит не только духовные пути своего народа, но и его соблазны, слабости и несовершенства. Духовная любовь вообще не предается беспочвенной идеализации, но созерцает трезво и видит с предметной остротой. Любить свой народ не значит льстить ему или утаивать от него его слабые стороны, но честно и мужественно выговаривать их и неустанно бороться с ними².

Национальная гордость не должна вырождаться в тупое самомнение и плоское самодовольство, она не должна внушать народу манию величия. Настоящий патриот учится на политических ошибках своего народа, на недостатках его характера и его культуры, на исторических крушениях и на неудачах его хозяйства. Именно потому, что он любит свою родину, он пристально и ответственно следит за тем, где и в чем народ не находится на надлежащей высоте; он не боится указывать на это, памятуя хорошую народную поговорку: «велика растет чужая земля своей похвальбой, а наша крепка станет своею хайкою»³. Духовная любовь не есть опьянение или чванство; она не только горит, но и светит, и светом показывает. Кто постиг духовную силу своей родины и проследил через историю пути и

судьбы своего народа, тот должен был увидеть и установить пределы и опасности национальной души. Сметет ли он молчать о них? И позволительно ли требовать от него молчания, ссылаясь на то, что его критика «срывает народное самочувствие» и «внушает народу неверие к своим силам»? Есть критика и критика. Есть критика ироническая, злобная, несправедливая, нигилистическая и разрушительная; так критикуют враги. Но есть критика любовная, озабоченная, воспитывающая, творческая даже и тогда, когда — гневная, это критика созидательная: так критикуют верные друзья; такая критика ничего «сорвать» не может, и то, что она «внушает», есть мужество и воля к преодолению своих слабостей. Так критикуют свое, любимое, не отрываясь от него, но пребывая в нем, пребывая в слиянии и отождествлении с ним, говоря о «нас», для «нас», из крепкого и единого национально-го «мы»...

Понятно далее, что в таком слиянии и отождествлении незаметно преодолевается то душевное распыление (психический «атомизм»), в котором людям приходится жить на земле: этот атомизм состоит в том, что каждый скрыт за своим телом, все ощущают только себя, все друг другу чужие и пребывают в душевно-телесном одиночестве. Это преодоление общественного атомизма состоит, однако, не в том, что человек перестает быть самостоятельным, обособленным и замкнутым существом («монадой»)⁴. Нет, обычный, данный ему от природы способ бытия сохраняется. Но наряду с ним возникает могучее творческое единение людей в общем и солидарном творческом лоне — в национальной духовной культуре, где все мы одно, где все достойные нашей родины (и духовное, и материальное, и человеческое, и природное, и религиозное, и хозяйственное) — едино для всех нас и обще всем нам: и творцы духа и «труженики культуры», и создания искусства, и жилища, и песни, и храмы, и язык, и лаборатории, и законы, и территория... Каждый из нас живет всем этим, физически питаясь и душевно воспитываясь, огражденный другими и обороняя других, получая и принимая дары во всеобщем взаимном обмене. В жизни и в ткани нашего общества мы все — одно, а в ее духовной сокровищнице объективировано то лучшее, что есть в каждом из нас. Ее созданиями заселяется и обогащается, и творчески пробуждается личный дух каждого из нас; родина делает то, что душевное одиночество людей отходит на задний план и уступает первенство духовному единению и единству.

Такова идея родной нации. И при таком понимании ее обнаруживается воочию, что человек, лишенный ее, будет действительно обречен на духовное сиротство или безродность; что обретение ее есть поистине акт жизненного самоопределения; что иметь родную нацию есть поистине счастье, а утратить с нею связь есть великое горе; что тоска по ней естественна, а отчаяние в своем народе противоестественно; и что, наконец, человеку подобает блести на всех путях достоинства своего народа, гордиться его признанием, его величием

и его успехами.

Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни, ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли. У римлян изгнание обозначалось словами: «воспрещение воды и огня». И действительно, человек, утративший доступ к духовной воде и к духовному огню своего народа, становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом. Горе ему и его детям: им грозит опасность превратиться в исторический песок и мусор.

Национальное обезличение есть великая беда и опасность в жизни человека и народа. С ним необходимо бороться настойчиво и вдохновенно! И вести эту борьбу необходимо с детства.

Напрасно было бы указывать на то, что национализм ведет к взаимной ненависти народов, к обособлению, «провинциализму», самомнению и культурному застою. Все это относится к больному, уродливому, извращенному национализму и совершенно не касается духовно здоровой любви к своему народу. И в самом деле, кто захотел бы выслушивать с серьезным видом такие, например, возражения против гимнастики и спорта: гимнастика вредна и опасна, ибо она воспитывает в человеке ненависть к умственному труду, содействует общему огрубению души, ведет к эмфиземе легких и переутомлению сердца и к вывиху рук и ног? Или — подобные же возражения против искусства: искусство вредно человеку, ибо оно прививает ему отвращение к мысли и здоровому физическому труду, причает его к беспочвенному фантазированию, к лени, праздности, вину и разврату и уби-

вает в нем вкус к общественной деятельности? По такому способу можно против всего возражать и все отвергнуть: достаточно только приписать большие проявления — здоровому делу и как можно ярче описать последствия неумных злоупотреблений так, как если бы это дело только и могло сводиться к злоупотреблению... Злоупотреблять, как известно, можно всем — не только ядом, но и здоровой пищей, не только трудом, но и сном; не только глупостью, но и умом. Злоупотреблять можно и аргументацией в полемике, и приведенные возражения против национализма являются тому наглядным примером.

1935 г.

¹ Строфа из поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

² Понятно, что здесь необходимы: зоркость, правдивость гражданское мужество. Одним из соблазнов национализма является стремление оправдывать свой народ во всем и всегда, преувеличивая его достоинства и сваливая всю ответственность за совершенное им на иные «вечные» и «предательски-враждебные» силы. Никакое изучение враждебных сил не может и не должно гасить в народе чувство ответственности и вины или освобождать его от трезво-критического самопознания: путь к обновлению ведет через покаяние, очищение и самовоспитание.

³ От слова — хаять, т. е. порицать.

⁴ Монада (греч. единица, единое, простое, неделимое) — понятие, обозначающее в различных философских учениях основополагающие элементы бытия.

